

Яд Гадюки.

Доктор для моей дочки

Ирэн Весёлая Яд Гадюки. Доктор для моей дочки

Ирэн Весёлая

Ирэн Весёлая

**Яд гадюки. Доктор
для моей дочки.**

«Литнет»

2026

Весёлая И.

Яд гадюки. Доктор для моей дочки. / И. Весёлая — «Литнет», 2026

— Лиза, это просто горный воздух вскружил голову, — Мансур смотрит на меня своими идеальными глазами, в которых нет ни капли раскаяния. — Мы просто зашли за скалы... Это ничего не значит! Я смотрю на его помятую футболку, на его холеную кожу и чувствую только тошноту. Десять минут назад я, забыв как дышать, вырывала восьмилетнюю девочку из лап смерти. Вводила антидот, резала жгуты, молилась всем богам, чтобы её сердце не остановилось после укуса гадюки. Я кричала, звала мужа на помощь, но он не пришел. Потому что в это время он был занят матерью этой самой девочки. Мой брак, который я тащила на себе десять лет, рассыпался под холодным горным солнцем. Я думала, что в тридцать пять жизнь закончена, а бесплодие — это приговор. Я не знала, что за моей спиной стоит тот, кто готов обрушить горы, лишь бы я снова начала улыбаться. В тексте вас ждут: ✓ Предательство, от которого закладывает уши — двойная измена в условиях, где маски слетают мгновенно. ✓ Сильная героиня — врач-педиатр, которая умеет спасать других, но должна научиться спасать себя. ✓ Настоящий мужчина — суровый, надежный, ответственный. Тот, кто не бросает слов на ветер и умеет защищать свою женщину. ✓ Развод и новая жизнь — без лишней юриспруденции, но с глубокими эмоциями. ✓ Встреча через боль — как два разбитых сердца создают одно целое. ✓ Справедливый бумеранг — предатели заплатят за каждую слезу. ✓ Хэппи-энд — обязательный и заслуженный. Пока я спасала его дочь, он увидел во мне женщину. Пока мой муж меня предавал, он потерял всё. Горный яд убивает быстро, но яд измены заставляет переродиться.

© Весёлая И., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2(Егор)	9
Глава 3	13
Глава 4(Егор)	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7(Егор)	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10(Егор)	33
Глава 11	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1

Август в Архызе — это время, когда горы начинают дышать по-осеннему. Внизу, в долине, еще стоит душное марево, а здесь, на высоте полутора тысяч метров, воздух уже прозрачный, острый и пахнет хвоей, прибитой пылью и сухим чабрецом.

Я сделала очередной шаг, и подошва ботинка с хрустом подмяла под себя сухой стебель папоротника. Мои легкие работали как кузнечные мехи. Казалось бы, всего полторы тысячи — детская высота по сравнению с Софийскими озерами, куда мы с Мансуром забирались пять лет назад. Тогда, на почти трех тысячах метров, обдуваемые ледяным ветром, мы стояли на краю изумрудной бездны и казались себе властелинами мира. Я была моложе, влюбленнее, а Мансур еще не знал слова «личный бренд».

Теперь всё было иначе.

— Лисенок, ну поднажми! Смотри, какой свет! — бодро крикнул Мансур, оборачиваясь.

Он стоял на скалистом уступе в своей новенькой оранжевой ветровке, сияя, как начищенный медный таз. На нем не было ни капли пота. В его полупустом рюкзаке ехали два невесомых спальника и селфи-палка. Мои же плечи буквально трещали под тяжестью восьмидесятилитрового баула. Консервы, газовая горелка, палатка и моя гордость весом в три килограмма — расширенная медицинская аптечка с полным набором реаниматолога. Я тащила этот груз, как тащила наш брак последние годы: молча, стиснув зубы и глядя только под ноги.

— Если я сейчас... ускорюсь... — прохрипела я, останавливаясь и упираясь руками в колени, — то мое сердце... просто выпрыгнет и уйдет обратно в поселок. Без меня.

— Ну чего ты ворчишь? — Мансур легко спрыгнул ко мне. От него пахло дорогим парфюмом — чудовищный контраст с запахом прелой листвы и горной свежести. — Мы же договорились: перезагрузка. В прошлый раз на озерах было круто, но жестко. А здесь — лайт-режим, релакс, природа. Посмотри вокруг!

Он обвел рукой долину, поросшую густым лесом и высокой, по пояс, травой. На этой высоте Архыз был сочным, зеленым, полным скрытой жизни. Но для меня этот «лайт-режим» превратился в каторгу. В тридцать пять лет я, врач-педиатр из Ульяновска, мечтала о тихом санатории с массажем, а не о том, чтобы изображать из себя горную козу ради контента своего мужа.

— Лайт-режим — это когда рюкзак несет мужчина, Мансур, — тихо сказала я, вытирая пот со лба.

— Лис, ну не начинай. У меня спина после вчерашней тренировки «забита», ты же знаешь. И вообще, движение — это жизнь. Встань вот так, подставь лицо солнцу...

Я послушно замерла. Я давно научилась быть удобной декорацией. Он сделал серию снимков, что-то быстро набрал в телефоне (сеть здесь, на полутора тысячах, еще капризно проклевывалась одной палочкой) и погнал меня дальше.

Через двадцать минут мы вышли на плато. Это была идеальная поляна у самого леса, защищенная от ветра выступом скалы. Здесь уже стояли две палатки — серые, дорогие, уставленные с той педантичностью, которая выдает опытных походников.

У края площадки мужчина в простой штормовке вбивал колышки в землю. Рядом крутилась девочка лет восьми с растрепанными косичками.

— Добрый вечер! — Мансур первым делом включил свое фирменное обаяние. — Принимаете соседей из провинции?

Мужчина выпрямился. Его лицо было резким, скуластым, с глубокими складками у рта. Внимательные, чуть усталые глаза скользнули по Мансуре и задержались на мне. Вернее, на моем рюкзаке, который явно перевешивал меня саму.

— Места хватит, — ответил он низким, густым голосом. — Ставьте за тем валуном, там почва суше.

— О, Егор, ну наконец-то люди! — из палатки выбралась женщина.

На ней был бежевый спортивный костюм, который выглядел так, будто его только что сняли с витрины бутика. Идеальная укладка, свежий маникюр. Она смотрела на горы с таким видом, будто они задолжали ей крупную сумму денег.

— Здесь сеть ловит? — вместо приветствия спросила она, уставившись в экран айфона. — Егор обещал, что на этой высоте я смогу работать. У меня презентация через два дня, а я в этой глуши!

— Катя, я обещал тебе отдых от Москвы, — сухо бросил Егор, возвращаясь к колышкам.

— Привет, я Мансур! — мой муж уже стоял рядом с ней, сияя белозубой улыбкой. — Фитнес-тренер, блогер и ваш соратник по борьбе с цифровым голодом. У меня тоже всего одна палочка связи, это катастрофа!

Катя оживилась. Она окинула Мансура взглядом, в котором я, как врач, моментально считала диагноз: острая нехватка внимания со стороны собственного мужа.

— Лиза, — я подошла к ним, чувствуя себя неуклюжим гномом рядом с этой нимфой. — Педиатр. А это мой муж, он иногда путает горы с подиумом.

Егор подошел к нам. Он не стал улыбаться дежурной улыбкой. Просто молча протянул руку и снял с моих плеч рюкзак. Я даже охнуть не успела.

— Господи... — вырвалось у меня вместе с облегченным вздохом. Плечи обожгло холодом.

— Вы что, в нем кирпичи несете? — Егор взвесил мой баул в руке. Его пальцы, сухие и мозолистые, выглядели очень надежными.

— Аптечку, — я виновато улыбнулась. — И еду на двоих. Мансур отвечает за эстетику, я — за выживание.

— Неправильное распределение нагрузки, — констатировал Егор. — Я инженер, я привык к точным расчетам. Ваша конструкция работает на износ.

Он перенес мой рюкзак к месту стоянки. Мансур в это время уже вовсю обсуждал с Катей «вайб Кавказа» и «энергетические потоки». Они стояли чуть поодаль, и я видела, как Катя кокетливо поправляет воротник, а Мансур играет мышцами плеч.

— Вы из Москвы? — спросила я Егора, пытаясь отвлечься от раздражения.

— Да. Решил вывезти своих в горы. Алиса, иди сюда, познакомься с тетей Лизой. Она доктор.

Девочка подошла к нам, прижимая к себе потрепанного плюшевого зайца.

— А вы лечите детей? — серьезно спросила она. — А если у зайца оторвется ухо, вы его пришьете?

— И ухо пришью, и горло вылечу, — я присела перед ней на корточки. — Я ведь не просто доктор, я — походный доктор.

— Круто, — вынесла вердикт Алиса.

Солнце стремительно уходило за лес. Тени становились длинными, зубастыми. На этой высоте, среди высокой травы и можжевельника, сумерки наступали внезапно. Я открыла рюкзак и достала аптечку — просто проверить, всё ли на месте.

— Змей здесь много? — спросила я Егора, который собирал хворост неподалеку.

— Август, — коротко ответил он. — Они сытые, ленивые. Но в высокой траве стоит смотреть под ноги. Кавказская гадюка не любит, когда на неё наступают.

Я посмотрела на густые заросли папоротника у края леса. Там, в тени, уже ничего не было видно.

Вечером у общего костра Мансур и Катя составляли одну шумную компанию. Они смеялись, обменивались какими-то шутками, понятными только им двоим. Мансур рассказывал о

нашем походе на Софийские озера, приписывая все подвиги себе. Катя слушала его, подперев подбородок рукой, и в её глазах отражались искры пламени.

Мы с Егором сидели напротив. Он молчал, помешивая угли длинной веткой. Его спокойствие было почти осязаемым, оно укрывало меня, как тёплый плед.

— Вы надолго? — спросил он тихо, чтобы не прерывать щебетание Мансура.

— На пять дней. Если я выдержу, — я горько усмехнулась.

— Выдержите. Вы сильнее, чем кажется себе, Лиза.

Я посмотрела на него. В свете костра его лицо казалось высеченным из камня. Егор видел всё: и пустую браваду моего мужа, и скуку своей жены, и мою тихую усталость.

— Спокойной ночи, — сказала я, когда Мансур наконец соизволил пойти к нашей палатке.

— Будьте осторожны, — ответил Егор. — В горах яд действует быстрее, чем на равнине.

Я кивнула, не понимая, что он говорит не только о змеях.

В ту ночь я долго не могла уснуть. За тонкой стенкой палатки шуршал лес, кричала какая-то ночная птица, и где-то совсем рядом, в густой траве, ждала своего часа настоящая беда. Но самым страшным был не шорох снаружи, а тишина внутри меня. Тишина, в которой я ясно услышала: мой брак закончился задолго до этого похода. Просто я была слишком занята его «спасением», чтобы это заметить.

Глава 2(Егор)

(от лица Егора)

В пять тридцать утра горы Архыза напоминают недостроенный чертеж: резкие синие тени, неясные контуры хребтов и абсолютная, почти пугающая тишина, в которой слышно только, как кровь стучит в висках. Я выбрался из палатки, стараясь не задеть спящую Катю. Она спала, плотно закутавшись в кокон спальника, с наклеенными ресницами, которые в утреннем сером свете казались лапками приунывших пауков. Даже в походе она умудрялась выглядеть так, будто ждет кастинга.

Холод укусил за плечи через термобелье. Я присел у кострища. Вчерашние угли еще хранили призрачное тепло, под слоем седого пепла теплилась оранжевая искра.

Всю жизнь я проектирую мосты и сложные перекрытия. Я знаю всё о сопротивлении материалов, о точках излома и о том, как вибрация может разрушить самую мощную конструкцию. Но я совершенно не понимал, в какой момент треснул мой собственный брак. Мы с Катей были вместе десять лет, и семь из них я потратил на то, чтобы укреплять опоры, которые она методично подпиливала своими капризами, интригами и вечным поиском «яркой жизни».

Этот поход был моей последней попыткой. Глупой, если честно. Я надеялся, что здесь, на высоте полутора тысяч метров, где нет вай-фая и курьеров с едой, она вспомнит, что она — мать и жена, а не просто картинка в социальной сети.

Я раздул огонь, подбросив сухую хвою. Послышался тихий шорох шагов по влажной траве. Я обернулся, ожидая увидеть инструктора, но это была Лиза. Соседка из Ульяновска.

Она шла к ручью с двумя котелками. На ней была простая синяя флиски, волосы перехвачены тугой резинкой, лицо — чистое, без капли косметики, со следами вчерашней усталости. В этом утреннем свете она выглядела настоящей. Не глянцевой, не вылизанной — а живой, как этот лес вокруг нас.

— Доброе утро, — негромко сказал я. — Рано вы.

Лиза вздрогнула, не сразу заметив меня у огня, но тут же спокойно кивнула.

— Привычка. В больнице обходы начинаются рано, организм не понимает, что мы в отпуске. Вода сегодня ледяная, руки сводит.

— Дайте помогу.

Я поднялся, подошел к ней и перехватил котелки. Наши пальцы на секунду встретились на дужках. У неё была теплая рука, несмотря на холодный воздух, и очень уверенный хват. Никаких длинных ногтей, мешающих жить, никакой суеты.

Мы дошли до ручья. Вода бурлила между камнями, прозрачная, как слеза. Я набрал котелки, чувствуя, как от воды исходит почти ощутимый холод.

— Ваш муж еще спит? — спросил я, просто чтобы нарушить тишину.

Лиза усмехнулась, и в уголках её глаз собрались лучики морщинок. Настоящих, не стертых ботоксом.

— Мансур? Он проснется, когда солнце начнет правильно падать на палатку, чтобы сделать удачное селфи «я и горы». Для него утро без красивого кадра — потерянное время.

В её голосе не было злости. Только какая-то бесконечная, вымороженная усталость. Я знал этот тон. Так говорят люди, которые давно перестали ждать чудес от своих партнеров.

— У нас похожая ситуация, — я кивнул на свои палатки. — Катя сейчас страдает из-за отсутствия интернета. Кажется, для неё горы — это просто досадная помеха между городами с хорошим покрытием 4G.

— Почему вы здесь, Егор? — Лиза посмотрела мне прямо в глаза. У неё был очень прямой, «врачебный» взгляд. Она не кокетничала, не пыталась понравиться. Она просто спрашивала.

— Хотел спасти то, что, скорее всего, спасти нельзя. Инженерная ошибка. Пытаюсь восстановить здание, когда фундамент уже размыло.

— Значит, мы в одной лодке, — она вздохнула, забирая полный котелок. — Только у меня лодка еще и груженная консервами на неделю. Спасибо за помощь.

Когда лагерь окончательно проснулся, тишина умерла.

Мансур выкатился из палатки ровно в тот момент, когда солнце осветило плато. Он был в ярко-салатовых тайтсах и без футболки, несмотря на утреннюю прохладу.

— Хэй, народ! — крикнул он, принимая позу атланта. — Заряжаемся энергией солнца! Егор, дружище, ты чего такой хмурый? Смотри, какой вайб!

Он начал делать демонстративные берпи прямо на траве, поминутно поглядывая на телефон, который стоял на камне в режиме таймера. Я посмотрел на Лизу. Она молча возилась у горелки, делая вид, что выступление мужа её не касается.

Следом появилась Катя. Она вышла с таким видом, будто её только что пытали.

— Егор, у меня всё лицо отекло, — заявила она вместо «доброго утра». — И эта влажность... волосы просто как мочалка. И почему так пахнет дымом?

— Потому что мы в лесу, Кать. Тут костры.

— О, Катрин! — Мансур мгновенно оказался рядом с моей женой. — Никаких отеков, вы прекрасны! Это просто горная лимфа застоялась. Хотите, покажу пару упражнений? Помогает разогнать жидкость и поднять настроение.

Катя, которая еще секунду назад была готова убивать, вдруг расцвела.

— Ой, Мансур, вы такой позитивный. Не то что некоторые...

Она бросила на меня красноречивый взгляд. Мансур начал что-то шептать ей про «точки молодости» на лице, и они вдвоем устроились на бревне. Выглядело это так, будто они старые знакомые, а не люди, увидевшие друг друга вчера вечером. Мансур откровенно лапал её за подбородок, якобы показывая, где проходят лимфоузлы, а Катя только хихикала.

Я почувствовал, как внутри закипает холодная ярость, но не ревность. Это была брезгливость.

— Пап, а мы пойдем к водопаду? — Алиса вылезла из палатки, сонная, с растрепанной косой, прижимая к себе своего зайца.

— Обязательно, — я притянул её к себе, вдыхая запах её волос. — Сейчас позавтракаем и пойдем. Лиза, вы с нами?

Лиза подняла голову от котелка.

— Если не буду мешать. Мансур всё равно решил сегодня устроить «день открытых дверей» для ваших лимфоузлов.

Мы вышли через час. Мансур и Катя, полные энергии, улетели вперед. Они шли налегке, Катя в своих бежевых лосинах, которые на фоне серых скал смотрелись дико, и Мансур, который без умолку что-то вещал, активно жестикулируя. Их голоса и смех разносились по лесу, распугивая птиц.

Я шел сзади, неся небольшой рюкзак с водой и ветровками. Алиса шла между мной и Лизой.

Тропа здесь была сложной: переплетения корней, влажные камни, высокая трава. Я ожидал, что Лиза будет жаловаться — всё-таки вчерашний подъем был тяжелым — но она шла ровно, спокойно, приглядывая за Алисой.

— Смотри, Алиса, это мох-сфагнум, — Лиза остановилась у старого пня. — Если в походе поранишься, а бинта нет, его можно использовать. Он чистый и убивает микробов.

— Как антисептик? — Алиса округлила глаза.

— Почти. Природа — это большая аптека, если знать, на какую полку смотреть.

Я наблюдал за ними и не мог избавиться от странного чувства. Лиза говорила с моей дочерью как со взрослым человеком, с уважением. Катя же обычно либо отмахивалась от Алисы

(«не мешай маме работать»), либо сюсюкала, когда нужно было сделать фото для семейного архива.

— Спасибо, — сказал я, когда мы остановились у ручья.

— За что? — Лиза вытерла пот со лба.

— За то, как вы с ней. Ей этого не хватает.

Лиза посмотрела на Катю, которая в этот момент на другом берегу ручья пыталась залезть на валун, а Мансур подталкивал её под ягодицы, якобы страхуя.

— Каждому ребенку нужно, чтобы его слышали, Егор. Это важнее, чем новые игрушки.

Переправа через ручей оказалась скользкой. Я перешел первым, закрепился на камне и протянул руку Алисе. Переправил её. Потом повернулся к Лизе.

Она не стала жеманиться или делать вид, что боится. Она просто вложила свою ладонь в мою. В этот момент я почувствовал не просто физический контакт, а какое-то глубокое, фундаментальное доверие. Её рука была сильной, но в то же время я почувствовал, как она едва заметно дрожит от усталости.

Я не отпускал её руку чуть дольше, чем того требовала безопасность. Она не отстранилась. Секундный затык в пространстве, когда шум воды стал тише, а взгляд её серых глаз — пронзительнее.

— У вас лямка на рюкзаке распускается, — тихо сказала она, когда мы уже стояли на твердой почве. — Вечером принесите, я зашью. У меня есть прочные нитки.

— Вы еще и шить умеете? — я попытался пошутить, хотя внутри всё сжалось от странной нежности.

— Я педиатр, Егор. Я умею всё: от накладывания швов до ведения переговоров с трехлетними террористами. Шить рюкзаки — это отдых.

Вечером, когда мы вернулись в лагерь, горы запылали. Закат был агрессивно-оранжевым, как предупреждающий знак. Воздух стал плотным, пахло озоном и сухой хвоей.

Мансур и Катя уже сидели у костра. Они пили вино из пластиковых стаканчиков, которое Мансур как-то умудрился протащить в своем «легком» рюкзаке.

— О, а вот и наши серьезные люди! — Мансур приподнял стакан. — Вы пропустили самое крутое. Мы нашли там, наверху, место, где связь ловит почти на три палки! Катрин даже смогла загрузить сторис!

Катя сияла. Она сидела очень близко к Мансуру, их колени соприкасались. Она даже не посмотрела на Алису, которая устало привалилась ко мне.

— Егор, Мансур такой смешной, — Катя хихикнула. — Он рассказал, что у него в Ульяновске целая очередь из клиенток, а он выбрал Лизу, потому что она «стабильная». Представляешь?

Я посмотрел на Лизу. Она замерла у своей палатки, держа в руках ту самую аптечку. Её лицо в сумерках казалось маской из белого мрамора. Мансур даже не понял, что сказал нечто оскорбительное. Для него «стабильная» — это как «надежная табуретка». Удобно, но скучно.

— Мансур, — голос Лизы был тихим, но в нем послышался хруст льда. — Иди помоги мне с тентом. Кажется, будет дождь.

— Ой, да ладно тебе, Лис, всё же хорошо! — отмахнулся он, снова поворачиваясь к Кате. — Так вот, про тот случай в спортзале...

Я подошел к Лизе.

— Давайте помогу с тентом.

— Не надо, Егор. Идите к семье.

— Моя семья, кажется, уже нашла себе новую компанию, — я кивнул на костер. — А Алисе пора спать.

Мы ставили тент вдвоем. Наши движения были синхронными, без лишних слов. Я ловил себя на мысли, что мне нравится работать с ней рядом. Это было похоже на строительство моста: каждый знает свой узел, каждый держит свою сторону.

Когда всё было готово, Лиза обернулась ко мне. В свете наступающей ночи её глаза казались темными озерами.

— Вы хороший человек, Егор. И инженер, наверное, отличный.

— Почему вы так решили?

— Вы видите трещины раньше, чем здание рухнет. Только почему-то не уходите из него.

— Я жду, когда рухнет окончательно, — признался я. — Чтобы не осталось сомнений.

— Боюсь, скоро сомнений не останется ни у кого из нас, — она посмотрела на небо, где сквозь облака проглядывала луна, похожая на кривой нож.

Я уложил Алису, Катя так и осталась у костра с Мансуром. Их смех доносился до меня сквозь тонкий нейлон палатки. Я лежал и смотрел в потолок, чувствуя, как внутри нарастает глухое, тяжелое предчувствие.

Весь мой опыт проектировщика кричал об одном: нагрузка на этот лагерь стала критической. Материал изношен, связи гнилые. Яд уже был здесь, среди нас, он вибрировал в воздухе, в случайных касаниях Мансура и Кати, в тихом вздохе Лизы за соседней перегородкой.

Завтра горы проверят нас на излом. И я подозревал, что не все конструкции выдержат этот тест.

Глава 3

В горах вечер наступает не так, как в городе. Здесь нет долгих, ленивых сумерек — солнце просто падает за острый гребень, и через десять минут на плато опускается холод, от которого не спасает даже самая дорогая мембранная куртка. Воздух становится густым, как остывающий бульон, и начинает пахнуть хвоей и сыростью ледников, притаившихся выше.

— Давайте я, — Егор перехватил у меня полено.

Я молча уступила. Мы возились у кострища вдвоем. Егор работал скупно и эффективно: сначала мелкая щепка, потом сухие ветки можжевельника, сверху — поленья потяжелее. Его руки, широкие и узловатые, двигались с пугающей точностью. Я смотрела на них и невольно сравнивала с руками Мансура. У моего мужа кисти были холеными, с идеально подстриженными ногтями — инструмент для демонстрации упражнений, а не для борьбы с суровой реальностью.

— У вас инженерный подход даже к костру, — заметила я, присаживаясь на корточки и протягивая ладони к первым несмелым языкам пламени.

— Конструкция должна быть устойчивой, Лиза. Иначе прогорит впустую, — он взглянул на меня, и в отсветах огня его глаза показались мне сделанными из темного янтаря. — В жизни то же самое. Если основа гнилая, никакие декорации не помогут.

Я промолчала. Его слова попали в самую точку, туда, где под ребрами уже второй день ныло тупой, привычной болью.

В этот момент из палатки «москвичей» выпорхнула Катя. Если бы я не знала, что мы на высоте полутора тысяч метров, я бы решила, что она идет на открытие модного бутика. Она сменила бежевый костюм на темно-синий бархатный бомбер, волосы были безупречно зачесаны назад, а на губах мерцал блеск — ровно столько, чтобы казаться «естественной», но не забывать о камере.

— Ну что, мальчики и девочки, — Катя мгновенно захватила пространство вокруг костра. — Устроим вечер откровений или просто будем смотреть на огонь, как в доисторические времена?

За её спиной тут же нарисовался Мансур. Он уже успел сменить футболку на облегающий лонгслив, подчеркивающий каждый изгиб его накачанной груди.

— О, Катрин, я за любой движ, кроме голодовки! — Мансур ослепительно улыбнулся и сел на бревно рядом с ней, едва не коснувшись её бедра. — Лисенок, что у нас на ужин? Надеюсь, что-то более изысканное, чем гречка с тушенкой?

— На ужин у нас то, что я смогла донести на своей спине, — ответила я, не оборачиваясь. — Так что изыски остались в меню ресторана внизу.

Катя рассмеялась — звонко, по-актерски. Она профессиональный аниматор, я вспомнила это из её вчерашнего рассказа. Весь мир для неё — сцена, а люди вокруг — массовка, которую нужно развлечь.

— Ничего, Мансур, — она доверительно понизила голос, — у меня в записке есть бутылка отличного красного. Егор ворчал, что это лишний вес, но разве можно смотреть на такие звезды на трезвую голову?

— Вы — женщина моей мечты, Катя! — воскликнул Мансур, и хотя это было сказано в шутку, я почувствовала, как внутри меня что-то неприятно сжалось.

Егор в это время усаживал рядом с собой Алису. Девочка выглядела сонной, она прижалась к отцу, обнимая своего плюшевого зайца.

— Пап, а звезды здесь настоящие? В Москве они другие.

— Здесь они ближе, малыш, — Егор погладил её по голове, и я снова поразилась контрасту. Этот суровый, почти грубый мужчина превращался в нежность, когда дело касалось дочери.

Я достала из кармана рюкзака иголку и катушку прочных ниток.

— Егор, давайте ваш рюкзак. Пока светло, зашью ту ляжку.

Он удивленно поднял бровь, но послушно протянул мне свой «штурмовик». Я придвинулась ближе к огню. Пока Катя и Мансур разыгрывали перед нами спектакль «Двое успешных и красивых в дикой природе», я занялась делом. Игла с трудом проходила сквозь плотную кордуру.

— Лиза, вы такая хозяйственная, — Катя наблюдала за мной с легким налетом превосходства, потягивая вино из пластикового стаканчика. — Это так... мило. В Москве мы всё выбрасываем, если оно рвется. Проще купить новое, чем тратить жизнь на починку.

— В медицине по-другому, Катя, — я сделала ровный стежок. — Мы боремся за каждый орган до последнего. Привычка.

— Ой, врачи такие серьезные! — Катя повернулась к Мансуру. — Расскажи мне лучше про свой клуб. Трудно держать форму, когда вокруг столько соблазнов?

Мансур запел свою любимую песню. Он рассказывал о клиентах, о «сушке», о том, как он мотивирует людей менять жизнь. Он распушил хвост, как павлин. Я видела, как он ловит каждое движение Кати, как он неосознанно копирует её позу. Это была химия, но какая-то грязная, лабораторная.

Егор наблюдал за ними молча. Он сидел неподвижно, как скала, и только желваки на его лице изредка подергивались. В какой-то момент наши взгляды встретились. Это был короткий, почти болезненный момент узнавания. Мы оба всё понимали. Мы оба видели этот танец на краю пропасти, который затеяли наши супруги.

— Лиза, — Егор заговорил тихим, глубоким голосом, — вы ведь педиатр. Как вы думаете, Алиса не слишком бледная для второго дня в горах?

Я отложила рюкзак и внимательно посмотрела на девочку.

— Это акклиматизация, Егор. Кровообращение перестраивается. Дайте ей больше пить и следите, чтобы ноги были в тепле. Алиса, хочешь чаю с горным медом? У меня есть в термосе.

Девочка кивнула, и я налила ей кружку. Егор благодарно кивнул мне. В этом простом обмене заботой было больше смысла, чем во всей болтовне Мансура.

Тем временем мой муж решил, что пора переходить к «практическим занятиям».

— Катя, у тебя плечи зажаты, — уверенно заявил он, подходя к ней сзади. — Это всё от стресса и рюкзака. Давай я покажу тебе одну фишку из спортивного массажа, мгновенно отпустит.

Я замерла с иголкой в руке. Егор напрягся, его пальцы вцепились в колено.

Мансур положил руки ей на плечи. Его пальцы, сильные и тренированные, начали медленно разминать ткань её бархатного бомбера. Катя прикрыла глаза и издала тихий, гортанный звук — то ли вздох, то ли стон.

— Боже, Мансур... у тебя золотые руки, — прошептала она, откидывая голову назад, почти касаясь его живота.

— Это не руки, это опыт, — самодовольно отозвался он, продолжая массаж. Его большие пальцы скользнули к её шее, задерживаясь там дольше, чем требовала «техника расслабления».

В костре с треском лопнуло полено, рассыпав сноп искр.

— Мансур, — я постаралась, чтобы мой голос звучал ровно, — ужин готов. Оставь Катю в покое, ей нужно поесть.

— Да ладно тебе, Лис! — он даже не обернулся. — Человек страдает, я просто помогаю. Егор, ты не против, что я твою жену в порядок привожу?

— Если ей нравится, — Егор произнес это так холодно, что, казалось, пламя костра должно было погаснуть. — Катя всегда любила, когда ею занимаются профессионалы.

Я закончила с рюкзаком и протянула его Егору.

— Готово. Будет держать крепче нового.

— Спасибо, Лиза. Вы спасли мой рюкзак, — он сделал ударение на слове «рюкзак».

Мы ели в странной, тягучей тишине, которую изредка разрывал неуместный смех Кати. Мансур подкладывал ей лучшие куски, а она делилась с ним своим вином. Они создали вокруг себя невидимый кокон, из которого мы с Егором и Алисой были безжалостно выброшены.

Алиса в конце концов уснула прямо у отца на руках. Егор осторожно поднялся.

— Пойду уложу её. Спасибо за ужин, Лиза.

Я осталась сидеть у огня. Мансур и Катя уже обсуждали какие-то «энергетические воронки» в Архызе.

— Мансур, я пойду спать, — сказала я, поднимаясь. — Завтра переход будет сложнее.

— Да-да, иди, Лисёнок, я еще посижу, подышу воздухом. Тут такая энергетика... просто космос!

Я зашла в палатку, разделась и нырнула в спальник. Но сон не шел. Через тонкий нейлон я слышала их голоса. Они стали тише, интимнее. Смех Кати превратился в шепот.

«Это просто горы, — убеждала я себя, глядя в темноту. — Здесь всё обостряется. Он просто тренер, он привык трогать людей. Она просто скучающая москвичка».

Но мое сердце, мой самый точный диагностический прибор, не обманывало. Оно коло-тилось мелко и часто, предвещая катастрофу.

Через полчаса Мансур залез в палатку. От него пахло вином и чужими духами — слад-кими, приторными, с нотками ванили. Катин запах.

— Спишь? — шепотом спросил он.

Я не ответила, притворившись спящей. Он завозился, укладываясь, и я почувствовала, как он достал телефон. Экран вспыхнул, освещая его лицо — сосредоточенное, с блуждающей улыбкой. Он быстро что-то печатал. Кому? Кате, которая лежала в трех метрах от нас в другой палатке?

Я зажмурилась. Воздух в палатке стал невыносимо тяжелым, как перед грозой. Я знала, что завтра всё изменится. Горы не прощают лжи, они выплевывают её наружу, как лишние камни.

Где-то далеко в лесу ухнула сова, и этот звук показался мне сигналом к началу конца. Яд уже был впрыснут в наши жизни, и противоядия у меня, при всей моей огромной аптечке, не было.

Глава 4(Егор)

(от лица Егора)

Я привык доверять цифрам, эпюрам напряжений и законам физики. Если сталь качественная, она выдержит расчетный вес. Если бетон марки М500 уложили правильно, он не даст трещину через год. С людьми сложнее. В проектировании мостов есть такое понятие — скрытый дефект. Это когда снаружи всё выглядит надежно, но внутри материала уже ползет микроскопическая каверна, которая рано или поздно приведет к обрушению всей секции.

Глядя на то, как Лиза зашивает мой рюкзак, я думал о том, что она — самый качественный материал, который я встречал за последние годы.

Свет костра плясал на её лице, выхватывая сосредоточенную морщинку между бровями. Она не пыталась казаться красивой. Она не поправляла прядь, упавшую на глаза, не следила за тем, как выглядит её профиль в оранжевых отсветах пламени. Она просто делала дело. Точно, экономно, без единого лишнего движения. Игла ныряла в плотную ткань, нить натягивалась с сухим звуком — и это было чертовски красиво.

Настоящая, функциональная красота. В ней было столько же правды, сколько в хорошо спроектированной арке: ничего лишнего, только то, что позволяет конструкции стоять.

— Держите, Егор. Теперь на этом шве можно танки буксировать.

Она протянула мне рюкзак. Я перехватил его, намеренно коснувшись её пальцев. Кожа была прохладной и чуть шероховатой, никакой липкости от кремов, которыми Катя мазалась по пять раз в день. Лиза посмотрела на меня — прямо, без кокетства, с каким-то спокойным вызовом. В этом взгляде я прочитал: «Я знаю, что ты видишь. И я знаю, что тебе тоже тошно».

— Спасибо, Лиза. В наше время мало кто умеет что-то чинить. Обычно просто выбрасывают.

— У врачей другая профдеформация, — она чуть заметно улыбнулась. — Мы до последнего верим в регенерацию.

Я перевел взгляд на «декоративную» часть нашего лагеря. Мансур в этот момент напоминал павлина в брачный период. Он сидел слишком близко к моей жене, его плечо почти касалось её колена. Он что-то вкрадчиво объяснял Кате, жестикулируя так, чтобы бицепсы под лонгсливом играли при каждом движении.

— Смотри, Катрин, вот здесь, под затылочным бугром, скапливается весь городской негатив, — вещал он, и его голос в тишине гор казался мне звуком пенопласта по стеклу. — Дай я покажу...

Его пальцы скользнули по шее Кати. Моя жена томно прикрыла глаза, откидывая голову. Она буквально впитывала это внимание. Для неё Мансур был идеальным аксессуаром — ярким, пафосным, говорящим именно те слова, которые она хотела слышать. «Энергетические потоки», «вибрации», «свобода духа»...

Брезгливость. Это было единственное, что я чувствовал. Не ревность. Когда видишь, как кто-то пытается заменить стальную балку куском дешевого, крашеного пластика, испытываешь не гнев, а профессиональное отторжение. Они были сделаны из одного материала. Пустотелые, глянцевые, нуждающиеся в постоянном подтверждении своей значимости через чужие взгляды.

Я посмотрел на Лизу. Она отвернулась, подкладывая Алисе под голову свернутую куртку. В этом жесте было столько тихой, естественной заботы, что у меня перехватило горло. Катя за весь вечер ни разу не спросила дочь, не замерзла ли та. Она была слишком занята своим «лимфодренажем».

— Алиса, — позвал я негромко. — Пойдем в палатку. Пора спать.

— Еще минутку, пап... Лиза рассказывает про звезды.

— Завтра дослушаешь. Нам рано вставать.

Я подхватил дочь на руки. Она была легкой, пахла костром и горным ветром. Проходя мимо Кати и Мансура, я даже не замедлил шаг. Катя едва приоткрыла один глаз:

— Ой, уже? Ну, иди, Егор. Я еще посижу, Мансур говорит, что сейчас начнется самый мощный энергетический пик.

— Главное, чтобы твой пик не мешал ребенку спать, — бросил я через плечо.

В палатке было душно. Я уложил Алису, поправил её спальник и долго сидел в темноте, слушая, как снаружи Мансур рассуждает о «точках самопознания».

Катя залезла в палатку через сорок минут. От неё пахло вином и приторно-сладким мужским парфюмом — Мансур явно не жалел одеколона. Она возилась в темноте, задевая меня локтями, и от каждого её движения веяло каким-то мелким, суетливым обманом.

— Ты чего не спишь? — шепотом спросила она, пытаясь найти свою подушку.

— Думаю о том, сколько еще мы будем играть в эту семью, Катя.

— Ой, только не начинай свои нудные лекции! — она фыркнула, и я почти физически ощутил её раздражение. — Мансур — нормальный человек, позитивный. Он, в отличие от тебя, умеет наслаждаться моментом. А ты как памятник самому себе. Вечно что-то проектируешь, вечно недоволен.

— Я проектирую вещи, которые не должны рушиться, — ответил я, глядя в черный потолок палатки. — А ты строишь декорации из песка. Ты понимаешь, что этот парень — пустышка? Обычный фитнес-тренер, который живет за счет таких, как ты, или как Лиза.

— Ты просто завидуешь его форме! И вообще, он мне ничего не продает. Он... он просто глубокий человек.

Я закрыл глаза. Спорить было бесполезно. Катя была потребителем иллюзий. Ей не нужен был мост, ей нужна была радуга, нарисованная на картоне.

Утро третьего дня встретило нас сыростью. Туман лизал склоны гор, заглатывая верхушки сосен. Я вышел из палатки первым. Трава была седой от росы, и холод мгновенно забрался под куртку.

Лиза уже была на ногах. Она стояла у камня, на котором была разложена её аптечка. Она проверяла ампулы, пересчитывала шприцы, методично укладывая всё в стерильные боксы. В этом её утреннем ритуале было что-то религиозное. Она готовилась к войне, хотя вокруг был мир.

— Доброе утро, — сказал я, подходя ближе.

Она обернулась. Под глазами залегли тени, лицо казалось бледным в сером свете рассвета.

— Утро добрым не бывает, Егор. Особенно когда понимаешь, что впереди самый сложный участок.

— Вы о тропе или о чем-то другом?

Лиза медленно закрыла сумку, щелкнув замками.

— Обо всём сразу. Воздух тяжелый. Видите, как туман ложится? Будет гроза или резкая смена давления. В такие дни все трещины становятся глубже.

Она посмотрела на нашу палатку, потом на свою. Мансур и Катя еще спали, и эта их спячка казалась мне затишьем перед обрушением конструкции.

— Я помогу вам с вещами, — предложил я. — Мансур, я так понимаю, выйдет последним.

— Он выйдет идеальным, — горько усмехнулась Лиза. — А я выйду готовой. Спасибо, Егор. Ваша помощь... она очень кстати.

Мы собирали лагерь почти в полном молчании. Это было то самое рабоче-молчание, когда не нужно объяснять, зачем ты берешь этот колышек или почему сворачиваешь тент именно так. Мы были двумя инженерами на объекте, который вот-вот признают аварийным.

Когда солнце наконец пробилось сквозь туман, лагерь ожил. Мансур выскочил из палатки, сияя, как начищенный грош.

— Бонжур, команда! — крикнул он, начиная делать махи руками. — Сегодня великий день! Я чувствую, горы откроют нам свои тайны! Катрин, как спалось на новом месте? Энергетика не кусалась?

Катя вышла следом, щурясь от солнца и сразу потянувшись к телефону.

— Одна палочка! Мансур, ты обещал, что выше будет лучше!

— Будет, крошка, будет! Главное — верить и двигаться вверх!

Они снова пошли впереди. Легкие, беззаботные, они перепрыгивали через поваленные деревья, смеялись и фотографировались на каждом выступе. Мансур то и дело придерживал Катю за талию, и их голоса эхом разносились по ущелью.

Я замыкал группу. Впереди шла Лиза, за ней — Алиса. Мы двигались медленно. Трава здесь была выше колена, густая, сочная, скрывающая всё, что лежало под ногами. Подлесок из рододендрона и искривленных берез создавал лабиринт, в котором легко было потерять ориентацию.

Я ловил себя на странном чувстве тревоги. Как будто я стою на объекте и слышу ультразвуковой свист — так звучит металл за секунду до разрыва. Я смотрел на спину Лизы, на её ровный, размеренный шаг, и понимал, что в этом походе она — моя единственная точка опоры.

Горы вокруг нас больше не казались картинкой из путеводителя. Они смотрели на нас холодно и выжидающе. В высокой траве что-то шуршало, ветер доносил запахи прели и сырого камня.

— Алиса, смотри под ноги, — попросил я, когда мы вошли в особенно густой участок папоротников. — И не отходи от Лизы.

— Хорошо, пап. Смотри, какой тут большой лопух!

Я перевел взгляд на Мансура и Катю. Они уже скрылись за поворотом тропы, их смех доносился откуда-то сверху. Они не смотрели под ноги. Они смотрели друг на друга и в экраны своих смартфонов.

В этот момент я понял: авария неизбежна. Я просто не знал, откуда придет удар. Но я был инженером, и я привык, что за любую ошибку в расчетах приходится платить. И плата обычно бывает кровавой.

Я крепче перехватил лямки рюкзака и сделал шаг в высокую, густую траву, стараясь не выпускать из вида синюю куртку Лизы. Она была моим единственным противовесом от этой гнилой реальности. Но я еще не знал, что настоящему яду наплевать на наши чувства. У него своя физика.

Глава 5

Звук застегивающейся молнии на входе в палатку в тишине гор звучит как приговор. Резкий, металлический скрежет, который окончательно отсекает нас от остального мира, от шума ручья и — что самое неприятное — от присутствия Егора. Я осталась одна в этом тесном, пахнущем нейлоном пространстве с человеком, который за десять лет умудрился стать мне одновременно самым близким и абсолютно чужим.

Мансур возился со своим спальником, ворча под нос на «чертовы камни под дном». От него пахло костром, горьким потом перехода и... ванилью. Сладкий, приторный аромат, который в этом стерильно-чистом воздухе казался наглым и неуместным. Катины духи. Тот самый «шлейф успеха», о котором она вещала у костра. Я замерла, сжимая в руках шерстяные носки. Внутри шевельнулась гадюка подозрения, но я привычно придушила её. «Они сидели рядом, просто принесло ветром», — повторила я себе мантру, в которую с каждым днем верилось всё труднее.

— Фух, ну и денек, — Мансур наконец улегся, закинув руки за голову. — Лис, ты видела, как Катя на меня смотрела, когда я ей про тренировки рассказывал? У неё же глаза горели. Вот что значит — благодарная аудитория. Не то что мои ульяновские курицы в зале.

— Она замужем, Мансур. И у неё ребенок, — напомнила я, натягивая носки.

— Ой, да ладно тебе! — он пренебрежительно махнул рукой. — Я же про профессиональный интерес. Она в Москве может такие связи подтянуть... Слушай, я тут подумал. Нам же нужно расширяться. В «Олимпе» аренда растёт, а оборудование — хлам.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок, не имеющий отношения к ночной прохладе. Этот тон. Этот заискивающе-вдохновенный голос. Я знала его наизусть. Так начинались все мои финансовые катастрофы последних лет.

— Мансур, мы в походе. Давай не будем о бизнесе.

— Лисёнок, ну выслушай! — он перевернулся на бок, заглядывая мне в лицо. В тусклом свете налобного фонарика его глаза блестели азартно и жадно. — Там парень один тренажеры сбывает, почти новые, из закрывающегося клуба. Если сейчас забрать, через месяц мы будем в шоколаде. Нужно всего сорок тысяч на задаток. Срочно. До конца недели.

Я медленно выдохнула. Сорок тысяч. Ровно столько лежало на моем отдельном счете — моя «заначка на несбыточное». Я откладывала эти деньги полгода, экономя на обедах и косметике, чтобы осенью поехать в Казань, в хорошую клинику репродуктологии. Я не говорила ему об этом. Боялась спугнуть надежду. Боялась услышать, что «сейчас не время».

— У меня нет лишних денег, Мансур. Ты же знаешь, сколько стоил этот поход.

— Как это нет? — его голос мгновенно утратил мягкость. В нем прорезались капризные, детские нотки. — А та заначка? Я же видел смс от банка, когда ты телефон на столе оставила. Лиза, ну ты чего? Мы же семья. Ты же мой тыл, мой единственный человек, который в меня верит! Ты же хочешь, чтобы у нас всё было по-человечески? Чтобы я не пахал на дядю за копейки?

Он умел бить под дых. «Мы семья». «Ты единственный человек». За эти фразы я покупала иллюзию счастья годами. Я была его спасателем, его персональным кризис-менеджером. Мне казалось, что если я еще раз подставлю плечо, если еще раз вытащу его из очередной «перспективной ямы», то он наконец оценит. Остепенится. Посмотрит на меня не как на банкомат, а как на женщину.

— Это деньги на врача, Мансур, — тихо сказала я, глядя в потолок палатки.

— На какого еще врача? Ты же здорова! Лиза, не выдумывай проблем там, где их нет. Вот встанем на ноги, раскрутим зал, и хоть в Швейцарию тебя обследовать отправлю. Обещаю! Ну, Лисёнок... Ты же у меня самая лучшая. Самая стабильная.

Слово «стабильная» хлестнуло по лицу. Как старый, надежный шкаф. Как фундамент, который обязан стоять и не скрипеть, пока на нем возводят воздушные замки.

— Хорошо, — я закрыла глаза, чувствуя, как внутри что-то окончательно обрывается. — Как только спустимся в Архыз, где будет интернет, я переведу.

— Есс! — Мансур едва не подпрыгнул, чмокнул меня в щеку — мимолетно, сухо — и тут же откинулся назад. — Ты не пожалеешь, честное слово. Это будет прорыв.

Я лежала в темноте, слушая его торжествующее сопение. Мне хотелось, чтобы он обнял меня. Не покровительственно, не за деньги, а просто так. Чтобы его руки, которые сегодня так старательно разминали плечи Кати, прижали меня к себе, даря то самое чувство безопасности, о котором я мечтала.

Я придвинулась ближе, коснувшись плечом его плеча.

— Мансур... мне холодно. Обними меня.

— Ой, Лис, ну ты чего? — он раздраженно дернул плечом. — Тесно же и так. И я вымотался сегодня как собака. Этот Егор так погнал в гору, я все ноги сбил. Давай спать, а? Завтра сложный день.

Он демонстративно отвернулся к стенке палатки, закутываясь в кокон спальника.

Тишина. Только шум реки снаружи, который казался теперь бесконечным плачем. Я осталась на своей половине, чувствуя себя абсолютно пустой. Кредит моего доверия, который казался бездонным, сегодня выдал надпись: «Недостаточно средств».

Я лежала неподвижно, глядя в темноту, пока дыхание Мансура не стало ровным и глубоким. Прошло минут двадцать. Я уже начала проваливаться в тяжелый, липкий сон, когда почувствовала слабое движение рядом.

Сначала я не поняла, что происходит. Потом увидела — под спальником Мансура вспыхнул слабый синий свет.

Я затаила дыхание. Он лежал спиной ко мне, но свет от экрана телефона пробивался сквозь ткань, создавая призрачный ореол. Тихий, едва слышный шелест пальцев по сенсору.

Он не спал. Он не «вымотался как собака». Он ждал.

Я приоткрыла глаза, наблюдая за этим синим сиянием. Мансур приподнялся, воровато оглянулся — я вовремя зажмурилась, изображая мерное дыхание — и снова уткнулся в экран. Даже сквозь сон я почувствовала, как изменился ритм его дыхания. Оно стало прерывистым, жадным. Так дышит человек, который читает что-то запретное и бесконечно увлекательное.

Кому он пишет? Кате, которая лежит в трех метрах от нас через тонкий слой нейлона?

В памяти всплыл взгляд Егора у костра. Тяжелый, понимающий, сочувствующий. Он видел всё это. Он видел, как мой муж лапает его жену под предлогом массажа, и он видел, как я, Лиза, врач с десятилетним стажем, стою и глотаю эту грязь, улыбаясь и подавая чай. Ему было стыдно за нас четверых. А мне сейчас было так больно, что хотелось кричать, кусая края спальника.

Синий свет погас через вечность. Мансур спрятал телефон, глубоко вздохнул и через минуту действительно заснул.

А я не смогла. Я лежала в этой ледяной темноте, и перед глазами стояла та самая гадюка, о которой говорил Егор. Она уже была здесь. Она не пряталась в траве, она грелась прямо в моей палатке, в сердце человека, которому я отдала свою молодость, свои деньги и свою надежду.

Я поняла, что завтрашний день я не переживу в этом качестве. Что-то должно было взорваться. Какая-то конструкция должна была рухнуть под весом этой лжи.

Где-то далеко в лесу треснула ветка, и этот звук показался мне выстрелом стартового пистолета. Завтра. Всё случится завтра.

Я закрыла глаза, и последним, что я увидела перед тем, как забыться тяжелым сном, был не Мансур, а спокойное, суровое лицо Егора. Человека, который, как и я, оказался заперт в этой фальшивой реальности.

«Будьте осторожны, Лиза», — прозвучал в моей голове его голос.

Я постараюсь, Егор. Но против яда, который впрыскивают прямо в душу, у меня в аптечке нет ничего, кроме стерильных бинтов. А ими разбитое сердце не склеишь.

Глава 6

Солнце в зените — самый честный судья. Оно не оставляет теней, в которых можно спрятаться, и высвечивает каждую трещину на камнях и в человеческих душах. К полудню третьего дня воздух над нашим плато застыл, превратившись в густое, дрожащее марево. Пахло перегретой хвоей, сухой пылью и чем-то сладковато-тревожным, как перед большой грозой.

Я чувствовала себя выжатой. Ночь в палатке, обещание отдать Мансуру последние деньги и этот липкий синий свет его телефона до сих пор стояли у меня перед глазами. Мой муж с утра был подозрительно оживлен: он то и дело переглядывался с Катей, они шушукались о каких-то «местах силы» чуть выше по течению ручья. Егор же, напротив, стал еще мрачнее. Он методично проверял карабины на рюкзаках, и его челюсти были сжаты так плотно, что на щеках ходили желваки.

Чтобы не сорваться и не высказать Мансуру всё прямо при свидетелях, я взяла пакет для сбора трав и ушла к ручью. Мне нужно было занять руки. В медицине это лучший способ успокоить голову: когда пальцы делают привычную работу, мысли выстраиваются в ровные ряды.

— Лиза, вы далеко? — окликнул меня Егор. Он стоял у своей палатки, щурясь от солнца.

— Нет, пройдусь вдоль воды. Тут отличный зверобой и чабрец. Хочу собрать для вечернего чая.

— Не уходите из прямой видимости, — коротко бросил он. — Трава высокая, а берег тут капризный.

Я кивнула, оценив его лаконичную заботу. Егор был единственным в этом лагере, кто не пытался казаться лучше, чем он есть. Он просто был. Надежный, как гранитный валун под моими ногами.

Я поднялась метров на тридцать выше лагеря. Здесь ручей разбивался на несколько мелких протоков, между которыми буйствовало разнотравье. Я присела, срезая жесткие стебли зверобоя. Пальцы пахли горько и свежо.

Алиса, дочка Егора, была неподалеку. Она «охотилась» на крупных горных бабочек, которые лениво перелетали с цветка на цветок. Девочка была в яркой розовой панаме, и её смех время от времени доносился до меня сквозь шум воды. Она была единственным абсолютно чистым существом в этом лагере, не зараженным нашей взрослой ложью и сложными расчетами.

Я оглянулась назад. Лагерь казался игрушечным. Я видела Егора — он сидел на бревне, изучая карту. А вот Мансура и Кати нигде не было видно. «Ушли искать свои точки силы», — подумала я с горькой усмешкой. Подозрение больше не жалило, оно просто осело на дно души тяжелым свинцом.

— Лиза! Смотрите, какая красавица! — крикнула Алиса.

Она присела в густые заросли папоротника у большой серой скалы.

— Алиса, не лезь в гущу, — отозвалась я, выпрямляя спину. — Там могут быть колючки.

Я хотела сказать «змеи», но осеклась. Не хотелось пугать ребенка. В конце августа они должны быть сытыми и сонными, так нам говорили внизу. Но горы не читают учебников по биологии.

Тишину разорвал звук, который я буду помнить до конца своих дней. Это не был просто плач. Это был высокий, захлебывающийся крик, в котором ужас перемешался с острой физической болью. Так кричат, когда мир внезапно превращается в кошмар.

— Алиса! — я бросила пакет и рванула сквозь кусты, не чувствуя, как ветки царапают лицо.

Время превратилось в густой кисель. Я видела, как девочка падает на бок, хватаясь за щиколотку. И в этот же миг среди серых камней мелькнула гибкая, серо-коричневая лента с четким зигзагом на спине. Кавказская гадюка. Она уходила в расщелину лениво, словно сделала привычное, будничное дело.

— Тетя Лиза... больно... очень больно! — Алиса задышалась, её лицо мгновенно стало белым, как мел, а зрачки расширились на всю радужку.

Я упала рядом с ней на колени. Мой мозг, ещё секунду назад занятый мыслями о разводе, переключился в режим «боевого робота». Педиатр во мне вытеснил женщину.

— Тише, маленькая. Тише. Смотри на меня. Только на меня! — я заставила её поймать мой взгляд. — Не двигай ножкой. Слышишь? Замри.

Я осторожно оттянула край её носочка. Две алые точки. Расстояние между ними — около сантиметра. Укус глубокий. Ткани вокруг уже начали синеть и раздуваться. Это был классический гемолитический яд. Плохо. Очень плохо.

— Егор! — закричала я, вкладывая в этот крик всю мощь своих легких. — Егор, сюда! Скорее!

Я сорвала с плеч свой маленький рюкзак, который всегда носила с собой. Моя аптечка. Мой щит. Пальцы работали с пугающей четкостью.

Спиртовая салфетка. Обработать место укуса. Не отсасывать яд — во рту могут быть микротрещины, это старый опасный миф. Нужно замедлить распространение.

— Алиса, сейчас будет укольчик. Маленький, как комарик, — я говорила спокойно, хотя сердце колотилось где-то в горле. — Ты у меня смелая девочка. Самая смелая.

Я выхватила ампулу преднизолона и супрастина. Гормоны и антигистаминное — первое, что нужно, чтобы остановить анафилактический шок. Руки не дрожали. В такие моменты внутри меня всегда воцарялась ледяная, звенящая пустота, где были только алгоритмы и дозировки.

— Мансур! — снова крикнула я. — Помоги!

Мне нужно было, чтобы кто-то зафиксировал Алису. Девочка начала метаться, её начало потряхивать — первая реакция организма на интоксикацию.

— Мансур! На помощь! — мой голос эхом отразился от скал и улетел в пустоту.

Никто не ответил.

Я оглянулась на лагерь. Пусто. Егор, видимо, не слышал из-за шума ручья, а Мансур... Мансур просто исчез.

Я была одна. Среди этих равнодушных гор, с умирающим на руках ребенком и аптечкой, которая вдруг показалась мне крошечной перед лицом этой беды.

— Так, Алиса, держимся, — я зажала её плечи своими коленями, прижимая ребенка к земле. — Сейчас, маленькая. Потерпи.

Я ввела иглу. Девочка вскрикнула, тонко и жалобно, и обмякла. Её дыхание стало тяжелым, свистящим.

— Где вы все?! — прохрипела я, чувствуя, как по спине течет ледяной пот.

Я снова и снова звала мужа. Человека, который обещал быть моим тылом. Человека, который клялся в любви и верности. Но вместо его бодрого голоса я слышала только равнодушное журчание воды.

В этот момент я поняла всё. Мансур не просто отошел «поймать связь». Он бросил нас. Он был так занят своей новой «энергетической подругой», что мир вокруг перестал существовать.

Я зафиксировала ногу Алисы импровизированной шиной из прямой ветки и своих бинтов. Теперь — холод. Я приложила к месту укуса флягу с ледяной водой из ручья.

— Лиза?! Что случилось?! — топот тяжелых ботинок по камням.

Егор. Он бежал так, что камни летели из-под ног. Его лицо было серым от ужаса. Он увидел меня, сидящую в пыли, увидел бледную Алису и мою раскрытую аптечку.

— Змея, — коротко бросила я, не поднимая головы. — Гадюка. Я ввела гормоны и антигистаминное. Пульс нитевидный, но она дышит.

Егор упал на колени рядом, его руки потянулись к дочери, но он замер, боясь помешать. В его глазах я увидела такую бездну боли, что мне захотелось закрыться руками. Сильный, надежный инженер сейчас выглядел как человек, чей мост рухнул в одну секунду.

— Она умрет? — его голос был едва слышным шепотом.

— Не при мне, Егор, — я посмотрела ему прямо в глаза. — Я её не отдам. Слышишь? Но мне нужна помощь. Где Катя? Где Мансур?!

Егор огляделся по сторонам. Его взгляд стал ледяным, страшным. Лагерь был пуст. Тишина вокруг нас стала оглушительной.

— Их нет, Лиза, — сказал он, и в его голосе я услышала приговор нашему прошлому. — Их нигде нет.

Я сидела в траве, прижимая к себе Алису, чья головка бессильно лежала на моем локте. Кровь на моих руках уже начала подсыхать, стягивая кожу. В этот момент я отчетливо поняла: мой муж не просто изменил мне в мыслях или переписках. Он совершил самое страшное предательство — он отсутствовал, когда жизнь требовала его присутствия.

Я посмотрела на Егора. Он медленно поднял Алису на руки, прижимая её к себе так, словно хотел передать ей всё своё тепло. Мы остались вдвоем против этой дикой, красивой и беспощадной природы.

— Держи её, Егор. Не давай ей уснуть, — я начала быстро собирать инструменты обратно в сумку. — Я сейчас умоюсь и... мне нужно их найти.

— Зачем? — он посмотрел на меня с горьким пониманием.

— Чтобы посмотреть им в глаза, Егор. Прежде чем я вычеркну их из этого мира.

Я встала, пошатываясь. Ноги были ватными, но в голове горела одна-единственная, ясная как лезвие мысль. Я спасла его дочь. А теперь я должна была спасти себя от той лжи, в которой тонула последние годы.

Гадюка укусила Алису, но яд, настоящий, смертоносный яд, достался мне. И я собиралась вернуть его отправителю.

Глава 7(Егор)

(от лица Егора)

Крик моей дочери не просто разрезал тишину Архыза — он вошел в меня под ребра как ржавый штык, пробивая насквозь всё то, что я называл своим мужским спокойствием и контролем. В проектировании мостов есть такой критический момент: когда сталь не выдерживает и начинает петь тонким, нечеловеческим голосом перед тем, как лопнуть. Алиса кричала именно так. Это был звук обрушения моего мира.

Я бросил карту, не заметив, как её подхватил ветер. Камни летели из-под ботинок, колено, травмированное еще в юности, отозвалось тупой болью, но я не чувствовал ничего, кроме этого разрывающего легкие страха.

— Алиса! — мой голос показался мне чужим, сорванным.

Я вылетел на поляну у ручья. Пейзаж, который секунду назад казался идиллическим — солнце, изумрудная трава, искрящаяся вода, — превратился в декорации к кошмару. На земле, в густых зарослях папоротника, сидела Лиза. Она прижимала к себе Алису, а моя дочь, бледная как мел, захлебывалась в рыданиях.

— Егор, стой! Не подходи резко! — Лиза вскинула руку, и в её голосе я услышал ту сталь, которую не мог найти в себе. — Ногу зафиксируй. Укус.

Я упал на колени рядом так, что земля ушла из-под ног. Алиса... моя маленькая, смелая девочка... Её лицо было искажено гримасой боли, губы посинели, а взгляд метался, не в силах сфокусироваться. На щиколотке, прямо над краем носка, я увидел их. Две маленькие, аккуратные точки, из которых медленно сочилась темная кровь.

Всё моё инженерное образование, все годы руководства стройками, все ситуации, где нужно было «держать лицо» и принимать решения, рассыпались в пыль. Я смотрел на эти две точки и понимал: я могу построить мост через любую пропасть, но я не могу вытащить этот яд из крови собственного ребенка. Бессилие — самое страшное чувство для мужчины. Оно душит хуже любого удара в горло.

— Я ввела гормоны и антигистаминное, — Лиза говорила быстро, четко, её руки в этот момент двигались с точностью отлаженного механизма. — Нужно холод. Егор, во фляге вода ледяная, прикладывай к щиколотке. Только не дави!

Я подчинился мгновенно. Если бы она приказала мне сейчас разгрызть скалу зубами, я бы начал грызть. Я смотрел на Лизу снизу вверх. Её флиски была в пыли, по лицу тек пот, руки были в крови и соке раздавленных трав, но в этот момент она была самым прекрасным и самым важным существом во всей Вселенной. Она была единственной конструкцией, которая не рухнула под весом этой катастрофы.

— Где Катя? — Лиза обернулась, ища глазами мою жену. — Егор, позови Мансура и Катю. Мне нужно, чтобы кто-то помог поднять её выше, к палатке. И нужно больше льда из ручья.

Я поднялся на ноги. Внутри локотала ярость — черная, густая, как мазут. Я набрал в легкие разреженного горного воздуха и закричал так, что, казалось, снежные шапки на пиках должны были содрогнуться.

— Катя! Мансур! Сюда! Срочно!

Тишина. Только равнодушное журчание воды.

Я побежал к лагерю. Пустые палатки смотрели на меня темными провалами входов. Тент лениво хлопал на ветру. Я заглянул в нашу палатку — Катины вещи были разбросаны, на коврике валялось её зеркальце. Я выскочил наружу, обежал скалу, заглянул в подлесок. Никого.

— Катя! — я орал до хрипоты, до боли в связках. — Алиса ранена! Катя!

Но ответом мне был только шелест листвы. В этот момент я осознал: в самое страшное мгновение в жизни нашей дочери её матери не было рядом. Она не ушла за водой, она не собирала хворост. Она просто испарилась вместе с этим смазливym качком из Ульяновска. Пустота лагеря ударила меня в грудь сильнее, чем известие об укусе.

Это было не просто отсутствие. Это было дезертирство.

Я вернулся к ручью. Лиза уже наложила на ногу Алисы шину из веток. Девочка больше не кричала, она впала в какое-то тяжелое, сиплое забытие. Лиза сидела, прижимая её голову к своему плечу, и в этом жесте было столько настоящего, глубинного материнства, сколько я не видел у Кати за все восемь лет.

— Их нет, Лиза, — сказал я, и мой голос прозвучал как хруст ломаемого дерева. — Лагерь пуст. Они... они ушли.

Лиза подняла на меня глаза. В её взгляде не было удивления. Только горькое, выжженное понимание. Она посмотрела на пустую тропу, уходящую в лес, и я увидел, как её губы плотно сжались в одну линию.

— Помоги мне, Егор. Подними её на руки. Очень осторожно, старайся не трясти ногу. Нужно переложить её в тень у палатки, там прохладнее.

Я подхватил Алису. Она была почти невесомой, потной и пугающе обмякшей. Я прижал её к себе, чувствуя, как её сердце бьется редко и неровно. Каждый мой шаг по камням отдавался в голове набатом: «Я не защитил. Я не уберег».

Мы уложили её на коврики в тени большого валуна. Лиза снова занялась аптечкой, проверяя пульс и дыхание. Она была как ангел-хранитель в заляпанной кроссовках. Профессионал. Человек, который знает цену каждой секунде.

— Состояние стабильное, насколько это возможно без сыворотки, — Лиза вытерла лоб тыльной стороной ладони. — Мы выиграли время, Егор. Гормоны замедлят отек. Но нам нужно спускаться. Сами мы не донесем её по этой тропе быстро. Нужна связь.

Она посмотрела в сторону леса, куда ушли наши «красивые и позитивные».

— Егор, — Лиза встала, её голос дрогнул, но взгляд остался стальным. — Побудь с ней. Ни на секунду не отходи. Следи за зрачками. Если начнет рвать или задыхаться — зови меня.

— Ты куда? — я схватил её за руку.

Я боялся, что если она уйдет, мир окончательно рассыплется. Она была единственным вменяемым элементом в этой системе.

— Мне нужно смыть кровь, — она посмотрела на свои испачканные руки. — И мне нужно найти их. Они где-то там, у реки. Мансур говорил, что пойдет искать «точки силы». Я найду их, Егор. И я приведу их сюда.

Я посмотрел на неё и увидел то, чего не замечал раньше. За этой мягкостью педиатра, за этой привычкой быть «стабильной» и удобной скрывался такой стержень, который не под силу сломать даже этим горам. Она не просто шла смывать кровь. Она шла на войну.

— Иди, — я отпустил её руку. — Я справлюсь. Только... будь осторожна. Там высокая трава.

Лиза кивнула и быстро пошла в сторону ручья, туда, где скалы образовывали естественную нишу.

Я остался один. Я сидел у ног дочери, прикладывая лед к её посиневшей щиколотке. Тишина гор теперь казалась мне издевательской. Я смотрел на Алису и чувствовал, как внутри меня умирает всё то, что связывало меня с Катей. Каждое её «ой, я забыла», каждое её «ты слишком серьезный», каждое её селфи на фоне моих проблем — всё это сложилось в одну огромную кучу мусора, которую я больше не собирался тащить на себе.

Я — инженер. Я привык работать с фактами. Факт первый: моя дочь укушена змеей. Факт второй: её мать исчезла в критический момент. Факт третий: женщина, которую я знаю два дня, спасла моему ребенку жизнь.

Яд в крови Алисы действовал медленно. Но мой внутренний яд, моя ярость, выжигал меня со скоростью лесного пожара. Я сидел в тени валуна, слушая дыхание дочери, и ждал. Я знал, что Лиза вернется. И я знал, что после её возвращения наши жизни никогда не станут прежними.

Над горами кружил орел, высматривая добычу. В высокой траве шуршал ветер. А я сидел и молился всем богам, в которых не верил, чтобы Лиза нашла то, за чем ушла. Потому что мне нужны были не просто помощники для спуска. Мне нужна была правда, какой бы грязной она ни оказалась.

Я посмотрел на часы. Пятнадцать минут. Пятнадцать минут Лиза была там, за скалой. Пятнадцать минут, которые навсегда разделили мою жизнь на «до» и «после».

Глава 8

Кровь на моих руках уже успела подсохнуть, превратившись в тонкую, стягивающую кожу корку. Она забилась под ногти, впилалась в мелкие царапины на костяшках и смешалась с зеленоватым соком раздавленного чабреца. Это была кровь Алисы — маленького, ни в чем не виноватого человечка, который сейчас лежал там, за валуном, борясь с ядом.

Я смотрела на свои ладони и чувствовала странную, звенящую отстраненность. В медицине это называют посттравматическим шоком, фазой охранительного торможения. Когда адреналин, заставлявший твоё сердце качать кровь с бешеной скоростью, внезапно вымывается, оставляя после себя только ватные колени и ледяную пустоту внутри.

Я оставила Егора у импровизированной постели дочери. Его взгляд — тяжелый, полный невысказанной благодарности и смертной тоски — до сих пор жег мне спину. Я должна была смыть это всё. И я должна была найти Мансура.

Ноги двигались механически, как у заведенной куклы. Я шла выше по течению ручья, туда, где вода срывалась с небольшого порога, образуя белую пенную шапку. Здесь было шумно, и этот шум помогал заглушить набатный стук в моих висках.

Я опустила руки в воду. Ледяной поток Архыза вгрызся в кожу сотнями мелких игл. Я терла ладони друг об друга, наблюдая, как розовые разводы уносятся вниз по течению. Смыть кровь оказалось легко. Смыть ощущение катастрофы — невозможно.

«Где он? — билась в голове единственная мысль. — Где этот человек, который называет себя моим мужем? Почему его не было рядом, когда я кричала так, что сорвала голос?»

Я строила в голове сценарии нашей встречи. Я представляла, как наброшусь на него, как буду бить его по этой широкой, накачанной груди, выкрикивая всё, что накопилось за годы. Я хотела увидеть в его глазах хотя бы тень стыда. Хотя бы понимание того, что его «поиск связи» едва не стоил ребенку жизни.

Я поднялась с колен, вытирая мокрые руки о штаны. Вокруг было до идиотизма красиво. Конец августа на Кавказе — это буйство предсмертной зелени, золото солнца на скалах и пронзительная синева неба. Природа была равнодушна к нашим драмам. Ей было всё равно, выживет ли девочка и рухнет ли мой брак.

Я решила пройти еще немного вверх, за огромный скальный выступ, поросший густым, колючим можжевельником. Там, за камнями, была уютная ниша, защищенная от ветра. Мансур вчера говорил, что именно там «самая мощная энергетика».

Я огибала скалу, когда сквозь ровный гул ручья пробился другой звук.

Смех.

Я замерла. Вода на моих локтях превратилась в лед. Это был Катин смех — тот самый, который я слышала вчера у костра. Высокий, кокетливый, с тем самым придыханием, которое опытные женщины используют как рыболовный крючок. В нем не было ни капли тревоги. В нем было торжество.

Контраст был настолько чудовищным, что я на секунду ослепла. Пять минут назад Алиса сипела и задыхалась у меня на руках, Егор старел на десять лет за каждое мгновение, а здесь... здесь царило беззаботное веселье.

Я сделала шаг вперед, стараясь не шуметь ботинками по гальке. Запах раздавленной хвои можжевельника ударил в нос — резкий, почти одуряющий.

— Ну всё, Мансур, перестань! — голос Кати донесся совсем рядом. В нем звучала та самая фальшивая покорность, за которой всегда следует «продолжай». — Ты просто невозможный. Если Егор увидит, он нас прямо здесь и похоронит. Под этим самым можжевельником.

— Егор твой видит только свои чертежи и графики нагрузки, — ответил низкий, бархатный голос. Голос моего мужа.

Это был его «специальный» тембр. Тот самый, которым он окучивал клиентов в фитнес-зале, когда хотел продать им годовой абонемент или нечто большее. Голос, в котором слышалась патока и хорошо отрепетированная страсть.

— Он скучный, Катрин. Он как этот камень — твердый и холодный. А тебе нужен огонь. Тебе нужно, чтобы кто-то понимал твою тонкую настройку. Ты же видишь, как горы на нас влияют? Это же химия. Чистый дофамин.

Я стояла за скалой, прижавшись спиной к холодному граниту. Мир вокруг начал менять свои свойства. Звуки стали плоскими, а воздух — слишком густым, чтобы его можно было вдохнуть.

Оцепенение. Я не чувствовала ярости. Я не чувствовала желания выскочить и вцепиться Мансуру в лицо. Я чувствовала странную, мертвенную чистоту. Как будто всё то, что я называла своей жизнью, оказалось старой, гнилой тряпкой, которую наконец-то выбросили на помойку.

Я видела через просветы веток оранжевое пятно. Его ветровка. Тот самый яркий маяк, за которым я шла в гору, преодолевая боль в коленях.

— Лиза тоже... такая правильная, — продолжал Мансур. — Педиатр, спасительница всея Ульяновска. Она даже в отпуске умудряется пахнуть антисептиком и чувством долга. С ней невозможно расслабиться, Катя. Она как вечный экзаменатор. А с тобой я чувствую себя... живым.

— Бедная Лиза, — в голосе Кати не было ни капли жалости. Только холодное превосходство хищницы, которая только что отбила чужую добычу. — Она такая стабильная. Знаешь, Егор тоже говорит, что я — хаос. Но разве хаос — это не прекрасно?

Я закрыла глаза. Перед внутренним взором стоял Егор, прижимающий к себе бледную Алису. Егор, который строит мосты. Егор, который за одну ночь стал мне ближе, чем этот человек в оранжевой куртке за десять лет.

Они не знали. Они сидели там, за скалой, упиваясь своей «химией» и «энергетикой», пока их мир сгорал дотла. Они были так заняты собой, своим мелким, ворованным счастьем, что не слышали крика ребенка.

Я почувствовала, как внутри меня что-то окончательно погасло. Последняя нить, связывавшая меня с Ульяновском, с нашей квартирой, с общими планами на будущее, лопнула с сухим, безвозвратным треском.

Я больше не искала Мансура, чтобы отругать его. Мне больше не нужно было ничего ему доказывать.

Я стояла в тени скалы, слушая их шепот, и понимала: гадюка, укусившая Алису, была честным врагом. Она защищала свою территорию. А эти двое... они были паразитами. Тихими, улыбчивыми паразитами, которые пили нашу жизнь, пока мы с Егором строили, лечили и спасали.

Яд измены — он не такой, как змеиный. Он не вызывает отека и синюшности. Он просто превращает твоё сердце в кусок холодного шлака.

Я медленно открыла глаза. Руки больше не дрожали. Ноги стали твердыми. Я знала, что сейчас сделаю.

Я не буду кричать. Я не буду устраивать сцену. Я сделаю то, что делает любой врач, когда видит гангрену.

Я ампутую это прошлое. Без наркоза.

Я достала из кармана телефон. Связи здесь не было, но камера работала отлично. Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как горный воздух наполняет легкие ледяной ясностью, и сделала первый шаг из-за скалы.

Мир не рухнул с грохотом. Он просто погас, чтобы я могла зажечь в нем совершенно другой свет.

— Ну что, искатели энергии, — мой голос прозвучал в тишине ущелья как удар бича.
— Нашли, что искали?

Мансур и Катя синхронно вздрогнули, оборачиваясь ко мне. И в этот момент я увидела на их лицах то, что хотела: первобытный, жалкий страх пойманных на месте преступления ничтожеств.

Но это было только начало. Моя война только начиналась.

Глава 9

Я сделала шаг вперед, раздвигая колючие ветви можжевельника. Звук разрываемой плоти кустарника был тихим, но в моей голове он прозвучал как залп тяжелой артиллерии.

Всё случилось именно так, как я себе представляла в те секунды, пока стояла за скалой. Декорации были готовы, актеры застыли в кульминационной мизансцене. Оранжевая ветровка Мансура валялась на примятой траве ярким, ядовитым пятном — как сброшенная кожа гигантской рептилии. Сами они... они даже не сразу меня заметили.

В дешевых романах измену описывают как вспышку страсти, как нечто роковое и грандиозное. Реальность оказалась намного приземленнее. Это было некрасиво. Это было суетливо и жалко. Катя, с растрепанным каре и размазанным блеском на губах, испуганно вскрикнула, пытаясь натянуть на плечи свой синий бархатный бомбер. Мансур вскочил, путаясь в штанинах и едва не завалившись на бок.

В этот момент я почувствовала странную, хирургическую чистоту. Как будто я смотрела на вскрытый гнойник. Грязно? Да. Больно? Возможно. Но больше нет неопределенности. Есть только диагноз и необходимость дезинфекции.

— Лиза?! Ты... ты что здесь делаешь? — голос Мансура сорвался на петушиный фальцет. Он замер, застегивая ремень, и его руки, те самые «золотые руки», которыми он только вчера делал Кате массаж, мелко дрожали.

Я не ответила. Мой телефон уже был в руке.

Экран ожил. Я навела камеру, чувствуя, как стабилизатор изображения ловит их перепуганные лица. Тихий, сухой щелчок затвора. Еще один. Видео.

— Лиза, перестань! Что ты делаешь?! — Катя наконец обрела голос. В нем не было раскаяния. Только ярость пойманной с поличным воровки. Она вскочила, отряхивая колени от сухой хвои. — Убери телефон! Ты не имеешь права!

— Право — это категория юридическая, Катя, — сказала я, и мой голос удивил меня своей ровностью. В нем не было слез. В нем был холод операционной. — А я сейчас занимаюсь фиксацией биологического материала.

Я сделала еще один шаг. Мансур попытался подойти ко мне, протягивая руку — ту самую руку, которую я еще вчера искала в темноте палатки.

— Лисёнок, подожди... Ты всё не так поняла. Это... это горы. Тут такая энергетика, меня просто перемкнуло. Катя... она просто жаловалась на мужа, мы разговаривали, и вдруг... Лиза, посмотри на меня! Это же просто химия! Я же люблю только тебя!

Он нес этот бред, а я смотрела на него через объектив и видела каждую пору на его потном лице. Я видела, как он врет — привычно, маслянисто, надеясь, что его «Лисёнок» снова проглотит, снова спасет, снова поймет.

— Ты слышал? — спросила я, опуская телефон.

Мансур осекся.

— Что слышал? Лиза, давай спокойно...

— Крик, Мансур. Ты слышал, как кричал ребенок? Десять минут назад. Прямо за этой скалой.

Катя замерла, её рука застыла у ворота куртки.

— Какой крик? — прошептала она, и в её глазах впервые промелькнула тень чего-то, похожего на тревогу, но это была тревога за собственную шкуру. — Что с Алисой?

— Алису укусила гадюка, — я чеканила слова, вбивая их в них, как гвозди в крышку гроба. — Пока вы тут занимались «химией» и «энергетикой», Егор сходил с ума от ужаса. Я вводила ей препараты в пыли, на коленях, пока ты, Мансур, прятался здесь. Я звала тебя. Трижды. Я орала так, что птицы улетели. А ты был слишком занят чужой женой.

Тишина, наступившая после моих слов, была страшнее грозы. Мансур побледнел настолько, что стал почти серым. Он посмотрел на свою оранжевую куртку на траве, потом на меня. Его челюсть мелко задрожала.

— Лиза... я не слышал... клянусь, шум воды... — начал он, но его оправдания звучали как шелест сухой листвы. Пусто. Бессмысленно.

— Где она? Где моя дочь?! — Катя вдруг сорвалась с места, пытаясь пробежать мимо меня.

Я не шелохнулась, но мой взгляд заставил её притормозить.

— Она у Егора. Состояние стабильное. Но если ты сейчас появишься там, Катя... я не гарантирую, что её отец сохранит остатки своего инженерного спокойствия.

Катя замерла, её лицо исказилось. В ней боролись остатки материнского инстинкта и дикий, первобытный стыд. Хотя нет, какой стыд... Это был страх разоблачения. Она посмотрела на Мансура — теперь уже с ненавистью, как на свидетеля своего позора.

— Это ты... — прошипела она ему. — Это ты меня сюда заташил! Со своими «точками силы»!

Мансур молчал. Он выглядел как проколотый воздушный шарик. Весь его лоск, весь его фитнес-пафос стек по нему, оставляя жалкую, сутулую фигуру человека, который только что осознал: он потерял не только жену. Он потерял свою кормушку. Свой «стабильный тыл».

Я посмотрела на экран телефона. На фотографии Мансур выглядел особенно нелепо — с растянутой шириной и перекошенным лицом. Идеальное фото на память. Моё личное противоядие.

— Уходите, — сказала я, убирая телефон в карман.

— Лиза, — Мансур сделал ещё одну попытку, — давай я помогу... Алису надо нести...

— Не смей подходить к ребенку, — я сделала шаг к нему, и он невольно отшатнулся. — И к Егору не подходи. Если ты хоть пальцем коснешься этой ситуации, я выложу эти фото во все твои рабочие чаты и паблики твоего клуба прямо из первого кафе в Архызе, где поймаю сеть. Ты понял меня, Мансур?

Он кивнул, мелко и часто.

Я развернулась и пошла прочь по тропе. Я чувствовала, как горы наблюдают за мной. Величественные, вечные, чистые. Им было наплевать на эту грязь. Им было наплевать на мой разрушенный мир. И в этом была какая-то высшая справедливость.

Яд гадюки действовал на Алису. Мой собственный яд — яд измены — действовал на меня. Но была разница. Яд змеи убивает тело. Яд правды — он выжигает всё лишнее, оставляя только суть.

Я шла к лагерю, и с каждым шагом мне становилось легче дышать. Я больше не была «стабильной Лизой». Я больше не была спасателем для этого паразита в оранжевой куртке.

Я возвращалась к Егору. Человеку, который сейчас сидел у изголовья дочери и ждал меня. И я знала, что когда я протяну ему свой телефон, наш общий мир рухнет окончательно. Но на этих руинах мы по крайней мере сможем стоять в полный рост. Без лжи. Без декораций.

Впереди показались серые палатки. Егор сидел на прежнем месте, неподвижный, как скала. Я замедлила шаг, вытирая лицо мокрыми от ручья руками.

Моя прошлая жизнь осталась там, за зарослями можжевельника. А впереди... впереди была неизвестность, пахнувшая грозой и настоящей, неприкрытой болью. Но я была врачом. Я знала: чтобы рана зажила, её нужно сначала очистить. И я только что это сделала.

Глава 10(Егор)

(от лица Егора)

Время в горах не течет — оно застывает холодным, прозрачным клейстером, в котором ты барахтаешься, пытаясь сделать хотя бы вдох. Я сидел на корточках у импровизированной постели Алисы, и каждый удар её сердца, который я едва нащупывал на тонком детском запястье, отдавался в моей голове тяжелым молотом.

Пятнадцать минут. Всего пятнадцать минут назад Лиза ушла к ручью, оставив меня один на один с этим парализующим ужасом. Я прикладывал ледяную флягу к посиневшей щиколотке дочери, и мне казалось, что я держу в руках не просто ногу ребенка, а обломок собственной жизни, который вот-вот рассыплется в пыль.

Я — проектировщик. Я знаю, как ведут себя материалы под критической нагрузкой. Я знаю, что у всего есть свой предел прочности. Но я никогда не думал, что мой предел окажется таким ничтожным. Я сидел, глядя на бледное, почти прозрачное лицо Алисы, и чувствовал, как внутри меня что-то окончательно ломается. Без грохота. Просто тихий, сухой треск в самой сердцевине.

В какой-то момент я понял, что смотрю не на дочь, а на тропу, уходящую за валуны. Я ждал Лизу. Она стала для меня чем-то вроде маяка в этом черном океане бессилия. Единственная надежная деталь в конструкции, которая пошла трещинами по всем швам.

Она появилась внезапно. Тень среди теней. Лиза шла медленно, её плечи были опущены, а лицо в сгущающихся сумерках казалось высеченным из мела. Она больше не была тем энергичным врачом, который двадцать минут назад отдавал мне четкие команды. Она была похожа на человека, который только что вышел из эпицентра взрыва и еще не понял, жив он или нет.

Я поднялся, чувствуя, как затекшие ноги протестуют против каждого движения.

— Лиза? — мой голос прозвучал хрипло, как скрежет металла по камню.

Она не ответила сразу. Остановилась в трех шагах от меня. Её взгляд был направлен куда-то сквозь меня, в ту пустоту, где еще утром была наша спокойная, понятная жизнь. В руке она сжимала телефон. Костяшки пальцев побелели от напряжения.

— Она спит? — тихо спросила Лиза. Голос её был ровным, безжизненным, и от этой интонации мне стало по-настоящему страшно.

— Спит. Дыхание ровное, но отек не спадает. Лиза, что случилось? Ты нашла их?

Вместо ответа Лиза сделала шаг ко мне. Она протянула руку с телефоном. Экран вспыхнул, резанув по глазам ядовито-ярким светом.

— Посмотри, Егор, — сказала она. — Посмотри, почему мы были здесь одни.

Я взял аппарат. Пальцы, привыкшие держать карандаш и штангенциркуль, едва заметно дрожали. Я опустил взгляд на экран.

Мир не перевернулся. Он просто перестал существовать.

На фотографии, сделанной явно в спешке, но с беспощадной четкостью, я увидел Катю. Мою жену. Женщину, с которой я прожил десять лет, которой доверял ключи от своего дома и жизнь своего ребенка. Она была полураздета, её бархатный бомбер валялся в пыли. А рядом... рядом был Мансур. Этот фитнес-гуру из Ульяновска, этот надутый индюк в оранжевой ветровке. Они были сплетены в какой-то нелепой, грязной позе.

Я перелистнул кадр. Видео... Всего несколько секунд, которых хватило, чтобы выжечь во мне всё человеческое к женщине, которую я когда-то называл «любимой».

Я выключил экран. Медленно, очень медленно я положил телефон на плоский камень валуна. Внутри меня воцарилась абсолютная, вакуумная пустота.

Я посмотрел на Алису. Она лежала всего в нескольких метрах от того места, где её мать в это же самое время кувыркалась в траве. Пока Алиса кричала от боли, пока я сходил с ума от страха, Катя... Катя занималась «энергообменом».

— Они там, — Лиза кивнула в сторону ручья. — Идут сюда.

Она присела на камень, обхватив себя руками за плечи. Её трясло.

— Прости, Егор, — прошептала она. — Прости, что я... что я это сняла.

— Спасибо, Лиза, — я сказал это искренне. — Ты помогла мне увидеть правду без розовых очков.

Голоса слышались через минуту. Они шли, пытаясь изобразить «случайную прогулку». Мансур что-то говорил — быстро, сбивчиво, поправляя на ходу оранжевую куртку. Катя шла следом, оглядываясь по сторонам.

Увидев нас, они притормозили. Мансур замер, его лицо вытянулось. Катя, увидев Лизу и меня, вдруг решила разыграть карту «заботливой матери».

— Господи, Егор! Мы так долго гуляли, заблудились... А что с Алисой? Почему она лежит?! — Катя рванулась вперед, её голос сорвался на визг. — Алиса! Доченька! Что с ней?!

Она попыталась проскочить мимо меня, потянувшись руками к спящему ребенку. И в этот момент мой внутренний предохранитель, который держал меня в узде тридцать лет, просто сгорел.

Я сделал шаг навстречу и наотмашь, коротко и тяжело, ударил её по щеке.

Звук пощечины в тишине гор прозвучал как выстрел. Голова Кати дернулась, она не устояла на ногах и осела на землю, хватаясь за лицо. Мансур замер, его глаза расширились от ужаса, он непроизвольно сделал шаг назад, закрываясь руками.

— Егор... ты... ты меня ударил? — Катя подняла на меня глаза, в которых не было раскаяния, только дикое, искреннее недоумение. — За что?! Я же её мать!

— Нет, — я стоял над ней, и мне казалось, что я стал вдвое выше и тяжелее. — Ты не мать. Ты — существо, которое трахалось за кустами, пока твой ребенок умирал. Ты слышишь меня?!

Я схватил её за локоть и буквально вздернул на ноги. Катя всхлипнула, её щека мгновенно налилась багровым.

— Пока Лиза спасала её жизнь, ты развлекалась с этим павлином! — я ткнул пальцем в сторону Мансура. Тот стоял ни жив ни мертв. — Лиза всё видела. И я всё видел. Каждое твоё движение на этой поляне.

Я кивнул на телефон, лежащий на камне.

Катя посмотрела на аппарат, потом на Лизу. Её лицо исказилось в такой гримасе ненависти и позора, что мне стало тошно.

— Егор, я... это была ошибка... горы... — она зарыдала, но теперь это были слезы пойманного вора, а не матери.

— Замолчи, — я отбросил её руку. — Собери свои шмотки и скройся в палатке. Чтобы до утра я тебя не видел и не слышал. Ты больше не подойдешь к Алисе. Никогда. Я оформлю развод и лишу тебя всего, Катя. Ты для меня умерла там, за той скалой.

Я повернулся к Мансуру. Тот попытался что-то выдать:

— Егор, слушай, мужик... мы просто...

Я шагнул к нему, и он буквально вжался в скалу.

— Если ты скажешь еще хоть слово, Мансур, — я говорил очень тихо, и от этого мой голос казался еще страшнее, — я тебя здесь и закопаю. Лиза тебе уже сказала: один звук — и твоя репутация «идеального тренера» сгорит во всех соцсетях. Исчезни.

Мансур, не дожидаясь повторения, боком, прижимаясь к камням, скользнул к своей палатке. Катя, продолжая всхлипывать и закрывая лицо ладонью, побрела следом. Жалкие, сугубые обломки того, что я когда-то считал своей реальностью.

Я снова сел у ног дочери. Рука дрожала — адреналиновый откат накрыл меня волной.

Лиза подошла и молча положила руку мне на плечо. В этом жесте не было флирта, не было жалости. Только солидарность двух людей, которые выжили в катастрофе.

— Прости, что тебе пришлось это увидеть, — сказал я, глядя на её бледный профиль.

— Знаешь, Егор... — Лиза посмотрела на заходящее солнце. — Я всю жизнь боялась причинить кому-то боль. Лечила, спасала, зашивала. А сейчас я смотрю на твою пощечину и понимаю: иногда рану нужно прижечь каленым железом, чтобы она не сгнила окончательно. Ты всё правильно сделал.

Мы сидели вдвоем в сгущающихся синих сумерках. Алиса тихо дышала под моим боком. Впереди был тяжелый спуск, суды, развод и долгая дорога к самим себе. Но здесь и сейчас, на высоте полутора тысяч метров, я впервые почувствовал, что я — дома. Рядом с женщиной, которая не убежала, когда пришла беда.

Буря в горах затихла, оставляя после себя пронзительную, чистую тишину. Наше старое «вчера» сгорело. Начиналось долгое, трудное «завтра».

Глава 11

Рассвет четвертого дня был похож на застиранную серую простыню, которую горы набросили на наше плато. Туман лежал в низинах тяжелым ватным слоем, а здесь, наверху, воздух был настолько влажным и холодным, что каждое движение отдавалось в суставах тупой ломотой.

Я не спала. Почти всю ночь я провела на корточках у спальника Алисы, вслушиваясь в её неровное, свистящее дыхание. Егор сиде

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.